

Цинь Инун повернула голову, чтобы посмотреть назад. Как будто развернулась завеса небесная; как будто взметнулась галактика звезд... Комнату внезапно окутал яркий свет.

Серебряная луна была похожа на фарфоровую обеденную тарелку, её мягкий свет лился внутрь.

Кто знает, был ли это лунный свет, который освещал её лицо, или это её лицо освещало лунный свет за окном. Она просто стояла там, высокая и спокойная, как одинокий стебель бамбука. Её ярко-красное платье нежно развевалось на ночном ветру.

Очевидно, они были так далеко друг от друга, но в воздухе витал аромат.

В тени ночи у Тан Жояо перехватило дыхание. Её ноги прочно стояли на месте. В её глазах мелькнула слабая надежда.

Она так долго не возвращалась. Как долго она пробудет на этот раз? Останется ли она навсегда?

Она приехала так поздно, поэтому останется на ночь, верно?

В тот момент, когда Цинь Инун увидела её, улыбка тронула её губы и взгляд, а сердечная благодать струилась от её тонких бровей.

Она осторожно поставила бокал с вином и подошла к ней.

Чёрные волосы, алые губы, красное платье и босые ноги – её румяно-розовые пальцы ног очень легко ступали на тёмный деревянный пол. Лёгкие шаги почти не издавали ни звука, когда она грациозно шла к ней. Когда она шла, выставив одну стройную ногу впереди другой, её кожа выглядывала из-под юбки.

В этот момент границы времени стали размытыми. Снежный серебристый лунный свет окутал её слоем чарующего белого тумана, напоминающего о демоне, гипнотизирующем людей в сцене из какого-то сверхъестественного романа.□

Тан Жояо не могла не затаить дыхание и не уставиться на неё. Она почти потеряла самообладание, желая сделать шаг вперёд и обнять её. Но она почувствовала это желание всего на мгновение, всего лишь на мгновение. Её сердце содрогнулось, а тело похолодело; Она вспомнила, кто она такая.

Она была всего лишь маленькой любовницей, спонсируемой Цинь Инун.

Она была совсем не тем человеком, о которой говорил внешний мир – не то, чтобы у неё было знатное семейное происхождение. Именно Цинь Инун тайно поддерживала её и привела к тому статусу и положению, которые она имела сегодня. Именно Цинь Инун в одиночку продвигала её. Перед Цинь Инун она не могла – и не осмеливалась – быть самонадеянной*.

[(* □□ – Самонадеянность, название романа).□

Цинь Инун появилась из густого тумана и подошла к ней. Тан Жояо уже опустила ресницы, скрывая все свои эмоции.

В глазах Цинь Инун что-то вспыхнуло – может быть, это было разочарование, а может быть, меланхолия... Она подошла к Тан Жояо очень близко: так близко, что ей стоило только

опустить голову, чтобы рассмотреть ресницы Тан Жояо, одну за другой. Они были плотными и кудрявыми, наполненными неглубоким бледным лунным светом, стройными и тонкими, слегка трепещущими, как хрупкие крылья цикады.□

Цинь Инун вытянула свои бледные пальцы, и каждая из её костяшек пальцев коснулась тёплого подбородка молодой женщины. Затем ладонь медленно поднялась, прилегая к изгибу щеки и челюсти. Закрыв лицо ладонью, она нежно погладила его большим пальцем. Туда-сюда, туда-сюда.□

Кожа этой девушки была нежной, как тонкий фарфор. Приятное ощущение её кожи вводило её в транс; Она была зависима от прикосновений.

Тан Жояо ощущала дрожь под её движениями. Ей хотелось спрятаться, но ещё больше ей хотелось подойти ближе. Цинь Инун носила своеобразный аромат, совершенно не похожий на неё саму. Он был не сильным и не похож ни на один парфюм, который она могла бы идентифицировать. Её аромат... Был далёким и холодным.

По мере того, как она подходила всё ближе и ближе, дуновение холодного аромата распространялось по переносице. Такой холодный аромат должен был немного охладить её разгорячённое лицо, но он сделал только обратное. Кожа на её лице вспыхнуло молодым пламенем.

У Тан Жояо перехватило дыхание, её ресницы слегка дрогнули, и она тихо закричала:

— Цзэцзэ... - Как бы умоляя о пощаде. Голос девушки по отношению к кому-то интимному стал сладким, удлинённый тон кокетливым, вязким, как сахарная вата.

Она пыталась нарушить эту таинственную атмосферу, но это обернулось против неё.

— Хм?

Сердце Цинь Инун потеплело от её зова «Цзэцзэ». С тех пор, как Тан Жояо прошла через двери, это был первый звук, который издала Цинь Инун, хотя это не было словом. Это был просто ленивый, гудящий вопросительный знак, сопровождаемый дразнящей, слабой улыбкой.

Её взгляд остановился на лице Тан Жояо, словно созерцая изысканное произведение искусства. Она с интересом наблюдала за ней, восхищаясь этим произведением искусства, созданным тщательной мастерской работы.

— Ты...

Жояо изо всех сил старалась сохранять спокойное и комфортное выражение лица, пока говорила.

— Когда ты вернулась?

Бесконечные требования, с которыми она сталкивалась со стороны режиссёра на съёмочной площадке, нигде не были так обременительны, как сокрытие выражения лица перед Цинь Инун.

— Когда я отправила вам сообщение.

Цинь Инун тихо вздохнула, как шёпот между влюблёнными.

Её слова были невероятно нежными. Сердце Тан Жояо затрепетало. Какие глаза смотрели на неё прямо сейчас? Она не могла не взглянуть. Как только она набралась смелости, чтобы поднять веки, её губы были сжаты тёплыми и тонкими кончиками пальцев Цинь Инун.

Ресницы Тан Жояо сильно дрожали, как и её сердце.

Кончики её пальцев нежно потирали розовые тонкие губы Тан Жояо.

— Сегодняшняя помада прекрасна.

Указательный палец Цинь Инун ткнул её полную нижнюю губу.

Тан Жояо почти не удержалась, чтобы не открыть рот, чтобы впустить его внутрь... Она с трудом сглотнула, прежде чем подавить этот порыв.

Совесь Тан Жояо вот-вот сломается. Ей пришлось заставить себя успокоиться; Она была на грани потери контроля. Чтобы вернуть себя к реальности, из туманной пустоты дыхания Цинь Инун она заговорила.

— Цзэцзэ...

Она открыла рот, но всё, что она могла сказать, было только одно слово! Кровь прилила к её голове, а белые уши в одно мгновение окрасились в багряный цвет.

У женщины перед ней раздался приятный мягкий смех.

— Если ты ещё раз позовёшь меня так, эта «Цзэцзэ» должна будет тебя поцеловать.

Цинь Инун стала более серьёзной, ещё раз погладила её по щеке и опустила руку, касающуюся её кожи. Она включила свет и подошла к журнальному столику.

— Я перестану дразнить тебя. Я привезла вам подарок из-за границы, пройдите и посмотрите, понравится ли вам.

Тёплые кончики пальцев были убраны с лица Тан Жояо, и её сердце внезапно опустело. Она раздражённо прикусила нижнюю губу и посмотрела на стройную спину женщины.

Почему вы... Но я ещё не звала тебя дважды...

— Цзэцзэ.

Цинь Инун оглянулась на неё и с улыбкой спросила:

— Что ты делаешь, просто стоя у двери?

— ...

Она действительно не собиралась её целовать!

Ни один подарок не мог сравниться с поцелуем, по которому она соскучилась. Тан Жояо была крайне разочарована, но всё же подошла к журнальному столику. Когда Цинь Инун оглянулась, разочарование на её лице мгновенно исчезло, сменившись лицом, которое выражало нужное количество любопытства:

— Какой подарок?

Цинь Инун подняла плоскую квадратную коробку в руке, на которой был напечатан логотип определённого ювелирного бренда.

Тан Жояо стояла перед зеркалом в полный рост в шкафу. Цинь Инун стояла позади неё, ущипнув кончиками пальцев тонкое ожерелье. Цинь Инун была на два сантиметра выше её, и когда она надела ожерелье, она слегка склонила голову с нежным и сосредоточенным выражением лица.

Тан Жояо воспользовалась этой возможностью, чтобы мягко повернуть голову в сторону и посмотреть на лицо Цинь Инун с близкого расстояния.

Ей было уже двадцать девять лет, но её кожа всё ещё выглядела так же, как у молодой девушки в возрасте около двадцати лет. В тусклом свете её лицо было тёплым и гладким, поры были почти незаметны.□

Она была очень бледна, но это была не та хрупкая бледность, которая возникает у человека, который никогда не выходит на свет. Её тон кожи был похож на прозрачные лепестки цветов розового и белого лотоса с весенней живостью.

Первый раз, когда Тан Жояо увидела Цинь Инун, был по телевизору. Когда Цинь Инун дебютировала в возрасте 18 лет, она сама ещё училась в начальной школе. Цинь Инун снялась в роли «Дацзи» в фильме «Новая печать богов». С каждой щепоткой её бровей она улыбалась, с каждым её шагом распускался лотос; от её красоты захватывало дух. С тех пор у всех демонов в книжках с картинками было осязаемое лицо, особенно у лисицы.

Некоторые критики позже говорили, что она сыграла свою истинную личность в этом персонаже. Это была не похвала, а насмешка.

Роль «Дацзи» мгновенно сделала Цинь Инун хитом. Ходили слухи, что многие мужчины подсели на её образ «Дацзи», и что их жены ненавидели её влияние так сильно, что писали письма властям с просьбой запретить Цинь Инун. Средства массовой информации, обладающие острым обонянием, воспользовались этим вопросом и привлекли внимание к Цинь Инун. Они придумали о ней много историй, рассказывая, что она была причиной бесконечных ссор между парами по всей стране. Даже в природных и техногенных катастрофах можно было обвинить Цинь Инун! Массы любят сплетни. Какими бы возмутительными ни были СМИ, до тех пор, пока им удавалось привлечь внимание, их цель была достигнута.

В индустрии развлечений быть красивой – обязательное условие. Но Цинь Инун, будучи такой красивой, как она, стала грехом. Средства массовой информации непрерывно критиковали её, а массы только раздували пламя ещё дальше, поэтому её популярность (если её можно так назвать) взлетела выше любого из её коллег. Её репутация была крайне слабой с момента её дебюта, и она терпела невообразимую злобу со стороны публики. По мере того, как она становилась всё более и более популярной, всё становилось всё более серьёзным. Написание скандалов, связанных с любовной жизнью актрис, было самым простым способом привлечь внимание публики. Это то, что женщины испытывали на протяжении тысячелетий, снова и снова.

Клевета в устах людей может быть разрушительной. Но дети знают только красоту и уродство, они не знают, что такое добро и что такое зло. В детстве Тан Жояо просто считала «Дацзи» очень красивой. Её одноклассники думали так же и даже покупали её плакаты и наклейки. Однако в конце концов она узнала, что Цинь Инун не была хорошим человеком. Она

полагалась на негласные правила, чтобы одержать верх, продавала своё тело и была презираема другими.

Даже после того, как Тан Жояо выросла и поступила в киношколу, имя Цинь Инун было выжжено в её памяти, выжжено в её существе. В то время как она уважала достижения Цинь Инун, первоначальное впечатление Тан Жояо о ней, привитое с детства, заставило её презирать характер Цинь Инун.

Ирония заключалась в том, что этот человек, ненавидевший негласные правила, в конце концов сам выбрал этот путь. Ещё более случайно, что её спонсором была та, кто печально известен тем, что переспала со всей киноиндустрией, та самая Цинь Инун.□

Она была с Цинь Инун три года, но просто не могла понять: что за человек такой Цинь Инун? Она была загадочной, могущественной, красивой и опасной. Цинь Инун испускала смертельное заклинание, которое затягивало остальных, как водоворот. И с каждой минутой оторваться становилось всё труднее.□

В течение этих трёх лет Тан Жояо наблюдала, как всё глубже и глубже погружается в её нежную ловушку, но она никогда не думала о том, чтобы вырваться, сопротивляться Цинь Инун.

— О чём ты думаешь?

Женский голос звенел у неё в ушах, мягкий и очаровательный, но с оттенком хриплости, который был уникальным для этой ночи.

— Ожерелье очень красивое.

Глаза Тан Жояо мягко улынулись, когда она дала ответ, который давно подготовила. Она смотрела на два прижатых друг к другу лица в зеркале, одно теплое, а другое холодное, как идеальное сочетание противоположностей.

— Хорошо, что тебе это нравится.

Мягкие руки Цинь Инун обхватили стройную талию Тан Жояо сзади. Её тёплое тело прижалось к её спине, когда она положила подбородок на плечо. На левой руке у неё было кольцо из белого золота, украшавшее хвост.

Тан Жояо повернула голову набок и взяла инициативу в свои руки, чтобы нежно погладить её по щеке.

Дыхание Цинь Инун было слегка тяжёлым, и её обжигающие вздохи, один за другим, достигали чувствительных ушей Тан Жояо.

Тан Жояо не двигалась. Через несколько секунд Цинь Инун мягко потянула её за плечи, чтобы развернуть к себе, и нежно приподняла пальцами её подбородок.

<http://bllate.org/book/14118/1241693>